

«Не педагогично, зато работает»

(Некролог третий: 4 года с ухода; 60 лет; Вера, Надежда, Любовь и  
Мать их Софья, 30 сентября)

Максим Миранский, Москва, 28 сентября 2013 года.

Памяти Любы Миранской (12.08.1953-23.10.2009),  
За всё – и за эфирную лёгкость тяжелейшей задачи...

«Что вы думаете, Комиссар?»

«Я вообще не думаю...»

«Но Ваш Метод, Мегрэ?

Ваша система?»

«У меня вообще нет системы...

Только человек важен».

Жорж Сименон

«Священный ужас,

с которым в одиннадцать лет

Кричишь, глотая слёзы:

«Мама, ты дура!»,

Потому что лучше неё

никого нет,

а её не будет.

Всё прочее – литература».

Вера Павлова

Одна из самых больших загадок нашей жизни – это как человек рождается человеком, становится человеком и остаётся человеком несмотря ни на что иное – а, может быть, и благодаря этому. Мама никогда не воспитывала меня в традиционном смысле – для этого она была слишком эмоциональным человеком. Иногда она срывалась на традиционные методы (плакала, кричала, запрещала), когда я в детстве выводил её из себя своим равнодушием или неаккуратностью, но это не было основой её МЕТОДА. Её МЕТОД состоял в полном отсутствии навязанной системы представлений. С ней было подчас очень тяжело из-за её невероятной требовательности; с ней было очень легко, когда ты понимал, почему и зачем она такая. Ещё точнее, она, при всей практичности женского ума, не была человеком «ЗАЧЕМ», прагматиком, но она всегда была человеком «ПОЧЕМУ», идеалистом. Шла спонтанно, от эмоций. Она требовала, но не ради себя. Она требовала, но от себя в первую очередь. А потому её требования никогда не были обидными. На себя ей было, по преимуществу, вообще почти всегда наплевать. «Твоя попа всегда должна быть у тебя на 25-м месте». Это и помогло мне избавиться от равнодушия и неаккуратности. Человек без кожи, она разрушала себя, созидавая исподволь. Поскольку мелочей для неё вообще не существовало, равнодушие и аккуратность в мелочах (гигиена, одежда, быт) переносилась отнюдь не на мелочи – на людей.

Она ни к чему не была равнодушной. Бабушка и прабабушка частенько журили её за то, что она не могла пройти мимо ни одного подранка на улице. Бесконечные раненые воробьи, голуби, сороки, собачки и кошечки, выкинутые кем-то хомячки и черепашки, все перебивали на их старой «коммуналке» на Тимура Фрунзе, где девочка Люба организовала в конце 50-х нечто вроде кустарного ветеринарного госпиталя. Но родители никогда не вмешивались в это грубо, мирились с мяуканьем и чириканьем, шерстью и перьями, словно чувствуя, как это важно. И душа девочки подрастала, вытягивалась и жмурилась на этом внутреннем солнце.

Будучи иногда, как и любой человек, эгоистом, она никогда не была эгоцентриком. Самый эгоизм её принимал скорее гротескные, чем банальные формы: родив меня очень рано, в 20 лет, она никак не решалась отдавать мне свои старые и любимые игрушки на растерзание; иногда плакала и отбирала их у меня (зверушек). Конечно, это я помню только по рассказам, зато очень хорошо помню, как рано я перестал относиться к игрушкам по-детски, а стал просто любоваться ими, как она делала. Тогда, конечно, я ничего не знал о том, что именно природа так часто служит первым объектом интереса и вдохновения для творчества. Моим первым научным интересом была биология. Не вырастает ли этика из ткани самой жизни, а не из абстракций, как принято думать?..

Это как в живописи, музыке, архитектуре: буде интерес к природе на всю жизнь твою одним источником вдохновения, станешь банальным реалистом; но БЕЗ природы любое творчество кастрировано, не переживается и не воспринимается чувственно.

Её открытое, бесконечно жертвенное ЭГО легко и охотно отдавало себя другим. Казалось, она знала главный секрет подлунного мира, не всегда понятный из-за его парадоксальности. Умаяя ЭГО, ты не теряешь себя, а, напротив, обретаешь, как и внутренние силы. Однако не банально (как-де мне себя выразить, так или эдак?), а как-то оригинально, заодно с миром, любя всех, ну, «как Боженька велел». Не по чёрно-белому. Она сама была любовью и жила только ею.

Это как у актёров: чем меньше отдаёшь, тем быстрее угасаешь; чем больше отдаёшь, тем ты сильнее. Однако не банально, а как-то цельно, вместительно, «взапуски с небом» (Бродский). И характерно же, в 50-е мечтала быть актрисой, в 60-е врачом, в 70-е стала мамой, а в 80-е работала в детских ясельках – всё профессии особицей стоящие, жертвенные по определению.

Мама вообще была страшным врагом банальности. Например, в одежде, когда даже в советское время она всегда одевалась с потрясающим вкусом, исключительно элегантно и тогда, когда просто, и тогда, когда было во что, и, встретив на улице кого угодно в таком же шарфике или в такой же обуви, как у неё, тотчас переставала это носить. Сохранить себя, не подпасть под рубрику, было важнее. Этих милых чудачеств насчитывалось предостаточно. «У каждого психа своя программа», как она говорила. Потом я перенёс это на свои чудачества в науке. Ломка стереотипов стала для меня привычкой. Как неопит многих теорий и религий, я не остался ни в одной, пройдя надрывно, как и положено, все этапы подростковых увлечений. Мамина модель сработала: я понял, что нет такой религии или научной школы, которая несла бы финальную истину, и как только ты допускаешь, пускай искренне, что такая доктрина есть, ты легко соскальзываешь в глупость, банальность и нетерпимость. «Банальность зла» at its best. "Or should I say at its worst?"

Не говоря уже о том, что только так сохраняется личность: «идеальная» теория требует жертв, и жертвой становится чаще всего человек; напротив, принимая мир целиком, пока без оценок и анализа, ты жертвуешь только собой, становясь сильнее.

Леди даже не в квадрате, а в кубе, она никогда не была тёткой в нашем фольклорном смысле, так и не обабилась. Ни абсолютно анти-женский советский быт, ни вечнозелёная ирония в адрес женщины со стороны патриархального сознания не убили в ней, а только укрепили в ней всё женское. Внешняя слабость стала внутренней силой.

Почему я полюбил делать всё то, чему она меня не учила, от чего оберегала, что старалась делать сама? Теперь я люблю убираться, мыть посуду, выносить мусор, стирать и гладить, вкручивать лампочки. Она почти никогда не говорила, как надо. Она просто показывала. Исступлённо делая, как надо. Даже читая мораль, она шутила. Она просто баловала. Показывая, что главное – верить.

Зачем стесняться верить в людей, если только это меняет их? Человек всегда шире, больше и глубже любой теории о нём.

Мама заложила в меня такой мощный импульс оптимизма..., что я иногда сам удивляюсь, как быстро выхожу из (пускай и самой глубокой) депрессии, а иногда мне даже кажется, что я не испугаюсь, а улыбнусь, услышав однажды трубы Архангела Гавриила. Главного джазмена этого подлунного мира... Но когда?..

Любопытно же посмотреть, как мы все по-разному ошибались.